

Вот уже несколько месяцев по телевизору и радио непрерывно сеяли панику: «Монстры среди нас! Мутанты атакуют! А ты уверен, что твой сосед ещё человек?!» Сначала люди восприняли подобные заявления как психоделический пиар-ход какой-то жаждущей славы компании по производству неизвестно чего и, посмеиваясь, ждали финала. Но вместо супервыгодного предложения купить неизвестно что в новостях всё чаще рассказывали о загадочных происшествиях, выходящих за рамки реальности, и даже демонстрировали снятые дрожащими руками очевидцев кадры, на которых странные существа гуляли по стенам домов, словно по тротуару, светились в темноте, бегали на четвереньках или исчезали, будто таяли, в пространстве.

Паника нарастала: люди начали верить и этим снимкам, и мрачным рассуждениям разного рода экологов, генетиков и даже физиков-химиков о начале новой эволюции.

Ева тоже стала бояться. Ещё бы! На каждом канале говорили об одном и том же, а кроме как смотреть телевизор, Еве нечем было заняться: когда лежишь с температурой под сорок, даже читать не хочется. Ох, как некстати оказалась эта неожиданная простуда! Столько планов полетело в тартарары! Пришлось отменить несколько важных встреч и долгожданное свидание, остановилась и работа над интереснейшим проектом, с помощью которого Ева

рассчитывала получить весьма денежную работу. Таблетки, микстуры, температурная дрожь заменили на время жизненные планы.

Открылась и хлопнула, закрывшись, входная дверь.

— Ев, это я. Не спишь?

— Нет, тёть Тань, не сплю, проходите.

Соседка тётя Таня, по сути, стала ей единственным другом. У Евы не было ни одного родного человека; по крайней мере, таковых она не знала. Подругами судьба тоже не одарила, а с приятельницами можно только посплетничать за чашкой кофе или оторваться на дискотеке. Мужчина... Ну, скажем так, в не очень активном поиске...

Тётя Таня же обладала всем, чего не было у Евы. Неразговорчивый дядь Саша, лет сорок назад ставший ей мужем, не разочаровал, вместе народили они троих статных и умных сыновей, двоюродные и троюродные родственники с обеих сторон были частыми и жданными гостями в их доме. Сердобольная тёть Таня не могла не пригреть сиротинку, а Ева и не сопротивлялась. Сражённую простудой одинокую молодую соседку («Эх, жаль, мои-то сыны переженились все...») тётя Таня поила бульонами и строго, по-матерински, контролировала приём назначенных врачом таблеток.

— О-о-ой, совсем расклеилась! Сдаётся, не помогает лечение-то!

— Да не знаю, тёть Тань, иногда вроде легче становится, а потом ещё хуже.

Тётя Таня уже приподняла больную, подложила ей под спину подушки и раскрыла посудину с исходящим паром куриным супом. Ева осторожно, предварительно остужая суп в ложке, принялась за еду.

— Страх-то какой рассказывают! Смотрела, Малахов профессора пригласил?

— Угу,— прогудела Ева, швыряя бульоном.

— Неужто так и будет, а? У всех хвосты отрастут, а у кого и клыки... Зверями, што ли, станем?!

— Да ерунда всё, тёть Тань. Ну вот вы... ну какой из вас зверь? Если белочка только, пушистая такая, добрая.

— Да ну тебя! Ешь молча,— тётя Таня заулыбалась, когда поняла, что Ева шутит, но потом вновь посерьёзнела.—

А как говорят: дыма без огня не бывает. Кто-то же видел всех этих странных... людей ли, нет ли...

— Выздоровею, тёть Тань, я вам на компьютере фото марсианина сделаю. Вы каких предпочитаете — блондинов, brunetов? Или рыжих, как дядь Саша?

Соседка зашлась мелким переливчатым смехом, замачала полными руками. Успокоилась не скоро — она всегда смеялась самозабвенно, до прозрачных слёз, одаривающих влажным блеском тёмную синеву больших глаз. Потом заставила Еву сунуть градусник под мышку, налила свежей воды в большую кружку и напичкала большую лекарствами. Ева не удержалась от ещё одной шутки:

— Во-о-от, антибиотики всякие... Говорят, из-за них мы мутируем...

— Всё тебе шуточки-прибауточки! Завтра, если легче не станет, врача вызову, пусть другие таблетки прописывает. Ну нисколько лучше не становится! — тётя Таня горестно покачала головой, разглядывая красную полоску градусника, ехидно застывшую рядом с числом «39».

После ухода соседки Ева приуныла. Тёте Тане она, конечно, была безмерно благодарна, но горестно снова остаться одной. Особенно потому, что одиночество обостряло внутреннее страхи и собственный мозг становился врагом, посылая к сердцу тревожные мысли и образы. Пытаясь отвлечься, Ева, нажав кнопку на пульте, сделала громче звук телевизора.

Ну как не поверить?! Пожилой дядька с косящим взглядом так серьёзно вещал с экрана о суперспособностях, которыми обладают современные мутанты, словно читал лекцию о происхождении человека, при этом не имея представления ни о теории Дарвина, ни о тому подобной чепухе. Ева слушала, и ей уже мерещились оскаленные морды за окном и тени по углам. И дрожащие мысли, как мышки, поскрёбывались в мозгу: «А вдруг?.. Этот дядька не первый говорит, что прячутся они, не отличить от нормальных людей до поры до времени. Тайком заговоры плетут... Господи, какие заговоры?! О чём я?!»

Но подспудная паника уже растекалась по клеточкам тела вместе с температурным жаром, заволакивала разум, загоняла его в глубину извилин и заклеивала выходы паточкой страха. Ева с трудом села, кутаясь в одеяло, заозиралась.

Как стремительно нагревалась её кожа, она чувствовала остро, даже выдыхаемый ею воздух был горячим, опаляющим. Последняя здравая мысль, созревшая в воспалённом мозгу, была о необходимости вызвать скорую, рука привычно потянулась к телефону — нажать и удерживать кнопку «1», и тёть Таня примчится тут же, поможет. А потом представилось, как добросердечная соседка входит к ней, помахивая хвостом и скаля в улыбке ровненькие маленькие клыки. Тут же вспомнилось, что сама отдала тёть Тане дубликат ключей от своей квартиры, чтобы не вставать на каждый её стук.

Надо закрыть дверь, срочно закрыть дверь на внутренний засов, чтобы никто не мог проникнуть в её дом! Ева вскочила, пошатнулась, рывком выпросталась из-под одеяла, упавшего комом к её ногам, шагнула, словно в пропасть, к проёму межкомнатной двери, преодолела длину узкого коридора в несколько судорожных шагов — и только вдвинув язык засова в пробитый в бетонной стене паз, поняла, что всё это время прятала дыхание в груди. Выдохнула резко, вдохнула жадно — воздух влетел в пересохшие лёгкие и взорвал её тело изнутри множеством ало-огненных всполохов.

Ночь ещё давила тишиной, когда Ева очнулась. Сначала ей показалось, что она мирно спит в своей мягкой и тёплой постели; только открыв глаза, поняла, что лежит на полу у входной двери. Тело болело, как это бывает после высокой температуры, но жар прошёл, и мысли были на удивление ясными и спокойными. Ева поднялась, мимолётно удивившись тяжести одеяла на плечах, и поплелась в комнату — хотелось лечь и уснуть.

Собственное отражение в зеркале старого трюмо повергло в шок: широкая футболка, служившая ей ночной рубашкой, еле держалась на плечах, а из широких разрывов на спине выпростались крылья, причём самые настоящие, из белых перьев, достающие до пола и распахнувшиеся от неосторожного движения рук.

Тёть Таня обиделась: Ева не открыла ей дверь. Тёть Таня, правда, волновалась за неё, приходила несколько раз, стучалась, спрашивала, всё ли в порядке. Сначала Ева отвечала ей терпеливо, но потом сорвалась:

— Оставьте меня в покое, в конце концов! Я могу в собственном доме побыть одна?!

— Как знаешь,— в голосе тётъ Тани звучали слёзы.— Рада, что ты идёшь на поправку.

Даже шаги уходящей соседки были полны укора. Ева слушала их, закусив губы, плакала, но так и не открыла дверь. Потому что крылья оказались не бредом, не видением, а взаправдашним таким довеском к прежней меланхолии, и показать их кому-то было страшно. Ведь, получается, по телевизору говорили правду, за исключением того, что непонятные люди-икс из толпы не выделяются — нестандартность Евы теперь трудно не заметить.

Поначалу Ева пыталась не верить собственным глазам, но на ощупь её крылья оказались тёплыми и чуть шершавыми, они послушно шевелились, когда она двигала плечами или руками, а идея выдрать перо отозвалась противной болью. С такой реальностью непросто было смириться, потому Ева несколько дней шарахалась от телефонных звонков и стуков в дверь, напуганная, не верящая в собственную адекватность, пила валерьянку и думала, когда же закончится этот длинный страшный сон. Но привыкла она к своим крыльям на удивление быстро: на пятый или шестой день, в который раз уставившись на своё отражение в зеркале, заметила, что среди белоснежных перьев проблёскивают нежно-нежно розовые, такие милые, такие девчачьи, что захотелось вдруг, чтобы сон оказался не сном вовсе, и чтобы у всех оказались крылья, и можно было просто выйти из дома и полететь по своим делам...

В новостях по-прежнему пугали гипотетическими мутантами, то есть, кроме смутных фотографий и бестолковых видео, никаких доказательств их существования и тем более зловещих намерений не было. Ева листала телеканалы в смутной надежде обнаружить проявление кого-то наподобие себя — очень уж хотелось, чтобы вездесущее чувство одиночества, которое не покидало её с первого мига осознанного существования, не превратилось в нечто тотальное. Кроме того, в холодильнике заканчивалась еда — ситуация, требующая прекращения затворничества, на что Ева никак не могла решиться.

Она часто смотрела в окно. С высоты пятого этажа люди казались такими хрупкими и безобидными! Иногда Ева фантазировала, как пикирует вниз и приземляется рядом с ними, но потом видения обрывались, и ей никак не удавалось представить, какими будут их лица при этом. То есть она знала: люди могут почувствовать при её появлении (в таком-то виде!) всё что угодно, от удивления и восхищения до страха и ненависти, только в её видениях знакомые лица соседей, друзей и абстрактные физиономии случайных прохожих почему-то оставались бесстрастными и немymi.

Тяжелее всего было по ночам. Спала Ева теперь без одеяла — крылья уютно и совершенно естественно прикрывали её всю, под ними было тепло, ворсинки перьев шевелились от её дыхания и щекотали ноздри. Но уснуть подолгу не получалось. Ева лежала, закрыв глаза, и прислушивалась сначала к звукам ночного города — каким-то шипящим, вполголоса, стихающим постепенно до полной звёздной тишины, а потом к себе самой, той, что была внутри. Прислушивалась — и боялась не узнать себя. Что ещё в ней изменилось? Могло ли теперь всё быть как раньше? Жива ли ещё Ева? Прислушивалась — и понимала, что не изменилось НИ-ЧЕ-ГО.

Когда оказалось, что пломбир по-прежнему лучшее лакомство, любимые стихи остались любимыми, а Ева — это Ева, и всё тут! — страх испарился. Настало благословенное утро, яркое от солнечного света и ожидания чуда. Ева надела любимые белые джинсы и импровизированную майку (цветастый платок на шею, перекрёст на животе, завязка кокетливым бантиком на спине, под крыльями) и даже подкрасила глаза и губы, что делала, в общем-то, довольно редко, — мир должен был увидеть её красивой. Выходя из дома, она улыбалась так, как делала это всегда, — открыто, светло, обезоруживающе, сразу для всех. Но первый же ошеломлённый шепоток, врезавшийся в неё, словно копьё предателя, со спины, стёр эту улыбку и потушил взгляд, мгновенно пришло осознание совершённой ошибки — выходить за порог дома вот так, среди белого дня, не стоило ни в коем случае! Потому что никто и не заметил улыбающуюся Еву. Зато все увидели её крылья.

Ева чувствовала себя ледоколом во льдах Арктики: шла, а толпа рассекалась надвое, люди отскакивали от

неё, жались к заборам и стенам домов, и — холод взглядов и стужа испуганных возгласов. Хотелось повернуть обратно, убежать сломя голову, спрятаться в стенах своей маленькой квартиры, задёрнуть шторы и исчезнуть, раствориться в никому ненужности, сейчас на удивление желанной, представляющейся чуть ли не панацеей. Только поздно, Ева прекрасно понимала, что больше ей ни от кого и ни от чего не спрятаться, потому упрямо шла вперёд и так же упрямо искала в холодной толпе хоть один сочувствующий взгляд.

— Эй! А ну-ка стой!

Грозный окрик предназначался Еве, в том сомнений не было. Ева остановилась и медленно обернулась. Неумело скрывающие свой страх пацанята (страх выдавали белые лица), развязные подростки, бесстрашные от сознания принадлежности к стае, пара коротко стриженных девушек без возраста, несколько насторожённых мужчин, которые почему-то держались позади... А во главе этой воинственной толпы (с палками и монтировками в руках на мирные переговоры не ходят) стоял, широко расставив ноги, высокий, жилистый, смуглый, молодой, единственный, кто смотрел Еве прямо в глаза.

— Стой, я сказал, ты, мерзкий выродок, — смуглый выталкивал слова сквозь сжатые зубы, слова на секунду застывали на выбеленных злобой губах и твёрдыми, тяжёлыми камнями падали на землю. Эхо этого камнепада было оглушительным.

— Послушайте... — начала говорить Ева и сделал шаг, но смуглый зарычал, загомонили остальные, толпа ощерилась зубами и палками.

Ева ещё шла по инерции им навстречу, когда заметила размашистое движение руки смуглого с зажатым крепкими пальцами остро обломанным булыжником. Она испуганно, навскидку, прикрыла лицо руками, но вдруг перед ней мелькнула чья-то тень, и знакомый до радостной боли голос перекрыл шум толпы:

— А ну не смей! Не трогайте её! Не трогайте, слышите?! Я кому говорю?!!

Растопырив руки, перед Евой напряжённо застыла тётъ Таня, она закрывала её всем своим маленьким, трепещущим от возмущения телом.

— Что она вам сделала? Тронула кого?! Обидела? Я её знаю! Не позволю!! Прочь отсюда, зверёныши!!!

Мягкая, такая домашняя и безобидная, тётя Таня в этот момент была свербубедительной: толпа отступила, медленно, кто с недоумением, кто с осторожностью, они опустили принесённое с собой оружие. Все, кроме смуглого. Тот продолжал скалиться, вся его напружиненная фигура источала еле сдерживаемую силу, разрушительную и опасную.

— Пойдём-ка отсюда, да поскорее,— тётъ Таня, не сводя со смуглого предупреждающего взгляда, на ощупь нашла Евину руку и потянула её от толпы.

Они сделали несколько шагов, насторожённо оглядываясь по сторонам, словно ждали коварного нападения сразу с нескольких сторон.

— Подождите, тётъ Тань,— Ева выдернула руку, повернулась к толпе обидчиков, неожиданно резко шагнула к ним и вдруг... легко вспорхнула, поднялась над их испуганными лицами, закружилась в воздухе, показывая себя со всех сторон, заиграла телом, гибким, словно тонкая лиана.

Розовые перья, подхватив на лету солнечный свет, засверкали жемчужным блеском. Ева кружилась, стараясь не упустить из виду глаза стоящих в насторожённой толпе, оттого выгибала шею, выворачивала её под немислимым углом, и это было удивительно грациозно и не менее изящно, чем плавные, широкие взмахи блестящих крыльев, которые трепетали от нежных прикосновений ветра. Потом, завораживая медлительностью движения, она вернулась на землю и встала перед замолкшей, но по-прежнему опасной, толпой. Произнесла:

— Ну разве я не прекрасна?!

Расправив крылья, словно бальное платье, Ева бесстрашно повернулась спиной к тем, кого ещё несколько минут назад так странно и больно боялась, и пошла от них прочь — бело-солнечная, живая, дышащая ветром.

Смуглый крепко сжимал в руках булыжник. Он очень хотел кинуть камень ей вслед. Но не мог.